

АРКАДИЙ И СТРУГАЦКИЕ

СТАЛКЕР

Киносценарии

Аркадий и Борис Стругацкие
Сталкер

«Наследник Стругацких»

«Автор»

1990

Стругацкие А.

Сталкер / А. Стругацкие — «Наследник Стругацких»,
«Автор», 1990 — (Киносценарии)

Счастье для только что вышедшего из тюрьмы сталкера в том, чтобы вести к Комнате других. На этот раз он ведёт Профессора (Гринько), исследователя-физика, и Писателя (Солоницын) в творческом и личностном кризисе. Они трое проникают через кордоны в Зону. Сталкер ведёт группу осторожно, окружным путём, прощупывая путь гайками. Флегматичный Профессор ему доверяет. Скептический Писатель наоборот, ведёт себя вызывающе, и, похоже, не слишком-то и верит в Зону и её «ловушки», хотя встреча с необъяснимыми явлениями его несколько переубеждает. Характеры героев раскрываются в их диалогах и монологах, в мыслях и снах Сталкера. Группа проходит Зону и на пороге Комнаты выясняется, что Профессор нёс с собой небольшую, 20-ти килотонную бомбу, которой намерен уничтожить Комнату – потенциальную исполнительницу желаний любого деспота, психопата, мерзавца. Потрясённый Сталкер пытается остановить Профессора кулаками. Писатель считает, что Комната всё равно исполняет не благообразные обдуманые пожелания, а подсознательные, мелкие, стыдные. (А впрочем, возможно, никакого исполнения желаний и вовсе нет.) Профессор перестаёт понимать, «зачем тогда вообще к ней ходить», развинчивает и выбрасывает бомбу. Они возвращаются.

© Стругацкие А., 1990
© Наследник Стругацких, 1990
© Автор, 1990

Содержание

1. Дом сталкера	6
2. Писатель	8
3. Кафе	10
4. Застава	12
5. В машине у железной дороги	13
6. Прорыв	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Сталкер

1. Дом сталкера

Грязная захламленная квартира. Ночь, за окном тьма. Сталкер выбирается из-под одеяла, тихонько поднимается с кровати. Берет в охапку одежду и на цыпочках выходит в ванную. Одевается, затем становится на колени перед ванной и начинает молиться вполголоса

Сталкер. Пусть будет, как всегда было. Пусть ничего не изменится. Пусть все останутся живы, пусть всем будет хорошо. А если для всех это невозможно, пусть я сумею быть жестоким с добрыми и пусть я сумею быть добрым с жестокими, а главное – пусть будет как всегда, пусть стена останется стеной, тупик останется тупиком, а дорога останется дорогой, и пусть никто не останется обделенным. Пусть каждый получит свое, я не так уж много прошу...

Он замолкает и резко оборачивается. В дверях стоит его жена, заспанная, в поношенной ночной рубашке.

Жена. Что же ты делаешь? Где твое слово?

Он встает и стоит перед нею, виновато опустив голову.

Жена. Ты же мне слово дал, ведь я тебе поверила...

Он молчит. Нелено пожимает плечом, криво и жалко улыбается.

Жена. Ну, хорошо, ты не хочешь думать о себе... Но ты о нас подумай! О дочке своей подумай, она же тебя не узнала, когда ты из тюрьмы вышел... она еще к тебе привыкнуть не успела, а ты опять уходишь! Обо мне – ты обо мне подумай, ведь я старуха в мои годы, ты меня доконал! Ведь я не могу больше тебя ждать, я умру! Ну зачем тебе сейчас идти? Пособие выдали, деньги есть, я устроюсь в магазин... Ну отдохни, ну побудь дома! Ты же обещал.

Сталкер. Как же – есть деньги... Нет денег...

Жена. А пособие?

Сталкер. Я его... Я его потерял.

Жена. Врешь!

Сталкер. Ну послушай, ну не надо так... Ну все будет хорошо! Я знаю! Я уверен!

Жена. Ты же обещал!

Сталкер. Ну обещал, ну соврал... Мне такое дело предлагают, что нельзя отказываться... И люди такие хорошие, приличные... им нужно...

Жена. Тебе люди важнее, чем жена с дочерью? Ты подумай, что с нами будет, если ты не вернешься!

Сталкер. Да вернусь я, вернусь, честное слово!

Жена. В тюрьму ты вернешься! Там еще твое место не остыло, а ты уже вернешься, и дадут тебе не два года, а пять лет... И пять лет у тебя ничего не будет! Ты подумай об этом: ничего! А я эти пять лет не выдержу...

Сталкер. *(с надрывом)*. Ну не могу я! Не могу я здесь! Ну зачем все эти разговоры, ты же знаешь, что я не могу! Смерти я не боюсь, да и не верю я в смерть, не для того я на свет родился... И тюрьмой меня не испугаешь, потому что мне везде тюрьма... Ты тоже меня в тюрьме держишь разговорами этими... Ну я прошу тебя, это же всего одни сутки, завтра утром я вернусь, и снова все будет хорошо...

Жена. Не верю, не верю! Ни во что не верю! Клялся, обещал! Что мне делать? Что мне делать? Не пущу!

Она опускается на порог, падает лицом вниз, колотит кулаками по полу.

Жена. Не пущу! Не пущу!

А он бочком, бочком, осторожно подбирается к порогу, переступает через лежащую женщину и устремляется к выходу. Женщина все повторяет бессильно: «Не пущу!», и где-то в комнате сначала тихо, а затем все громче плачет ребенок.

Сталкер открывает дверь и выскакивает на лестничную площадку.

Грязноватый пролет тускло освещен лампочкой без плафона, и Сталкер сбегает по лестнице.

2. Писатель

Подъезд. Сталкер сбегает с лестницы и останавливается в дверях.

У подъезда стоит роскошный «кадиллак». Дверцы раскрыты, рядом стоят Писатель и его приятельница. Писатель в длинном черном плаще и без шляпы, разглагольствует, делая широкие движения рукой с рюмкой. Приятельница внимает, опираясь на дверцу автомобиля. В одной руке у нее бутылка, в другой – рюмка.

Писатель. Дорогая моя! Мир непроходимо скучен, и поэтому нет ни телепатии, ни привидений, ни летающих тарелок.

Приятельница. Но я читала меморандум Кемпбелла...

Писатель. Кемпбелл – романтик. Рара авис ин террис. Таких больше нет. Мир управляется железными законами, и это невыносимо скучно. Серая чугунная скука железных законов... Они не нарушаются. Они не умеют нарушаться. Не надейтесь на летающие тарелки – это было бы слишком интересно...

Приятельница. А как же Бермудский треугольник?... Вы же не станете спорить...

Писатель. Я стану спорить. Нет никакого Бермудского треугольника. Есть треугольник а бэ це, который равен треугольнику а-прим бэ-прим це-прим. Вы чувствуете, какая чугунная скука заключается в этом утверждении?... Вот в средние века было интересно. В каждом порядочном доме жил домовый, в каждой церкви – бог... Люди были восхитительно невежественны! Как дети... И они были молоды! А сейчас каждый четвертый – старик. И все поголовно грамотные...

Приятельница. Но вы же не будете отрицать, что Зона... порождение сверхцивилизации, которая...

Писатель. Да не имеет Зона никакого отношения к сверхцивилизации! Просто появился еще один какой-то паршивый скучный закон, которого мы раньше не знали... А хотя бы и сверхцивилизация... Тоже, наверное, скука... Тоже чугунные законы, треугольники, и никаких тебе домовых и, уж конечно, никакого бога... Потому что если бог – это тоже треугольник, то я просто не знаю...

Сталкер выходит из парадного и кладет руку Писателю на плечо. Писатель оборачивается.

Писатель. Ага. Это за мной. Пардон... *(Забирает у приятельницы бутылку.)* Прощайте, моя конфеточка...

Сталкер. Пойдемте.

Писатель. Одну минуту. Вот эта дама любезно согласилась следовать за мною в Зону. Она – мужественная женщина, хотя и глуповата. Ее зовут... э-э... Простите, как вас зовут?

Приятельница немедленно загорается интересом.

Приятельница. В Зону? Вы – сталкер?

Сталкер принужденно улыбается.

Сталкер. Ну какой я сталкер? *(Писателю.)* Вы все шутите. А нас тем временем уже ждут. Извините нас, мадам, нас ждут.

Он крепко берет Писателя за локоть и увлекает его по улице.

Писатель (*оборачиваясь*). Прощайте, моя бабочка! Моя, в каком-то смысле, стрекозочка! (*Сталкеру*.) Послушайте, вы не знаете, кто она такая?

Сталкер. Вы все-таки напились.

Писатель. Я? Ни в какой степени.

Сталкер увлекает его по улице.

Писатель. Я просто выпил, как это делает половина народонаселения. Другая половина – да! – напивается. Женщины и дети включительно. А я просто выпил...

3. Кафе

Грязное темное помещение ночного кафе. За стойкой маячит сонный бармен. В сторонке у столика стоит Профессор.

Сталкер и Писатель входят.

Писатель. Ну что ж, по стаканчику на дорогу? Как вы считаете? (*Смотрит на Сталкера.*)

Сталкер. Нет. Не надо.

Писатель. Понятно. Сухой закон. Алкоголизм – это бич народов. Что ж, будем пить пиво.

Они подходят к Профессору, и тот спрашивает Сталкера.

Профессор. Это что? С нами?

Сталкер. Да. Ему тоже надо туда. Ничего, Профессор. Не беспокойтесь. Он протрезвеет.

Писатель. Вы действительно профессор?

Профессор. Если угодно.

Писатель. В таком случае разрешите представиться. Меня зовут...

Сталкер. Вас зовут Писатель.

Профессор. А как зовут меня?

Сталкер. Вас? Вас зовут Профессор.

Писатель. Ага. Понятно. Я – писатель, и меня все почему-то зовут Писатель...

Профессор. Известный писатель?

Писатель. Нет. Модный.

Профессор. И о чем же вы пишете?

Писатель. Да как вам сказать... В основном о читателях. Ни о чем другом они читать не хотят.

Профессор. По-моему, они правы. Ни о чем другом и писать, наверное, не стоит...

Писатель. Писать вообще не стоит. Ни о чем. А вы что – химик?

Профессор. Скорее физик.

Писатель. Тоже, наверное, скука. Поиски истины. Она прячется, а вы ее повсюду ищите. В одном месте копнули – ага, ядро состоит из протонов. В другом месте копнули – красота, треугольник а бэ це равен треугольнику а-прим бэ-прим це-прим... Вы неплохо устроились. Мне хуже. Я эту самую истину выкапываю, а в это время с нею что-то такое делается... Выкапывал я истину, а выкопал кучу дерьма. Возьмите вы какой-нибудь закон Архимеда. Он с самого начала был правильным, и сейчас он правильный, и всегда будет правильный. А вот стоит в музее античный горшок. В свое время в него объедки кидали, а сейчас он стоит в музее и вызывает всеобщее восхищение лаконичностью рисунка и неповторимостью форм... Все ахают и охают, и вдруг выясняется, что никакой он не античный, а подсунул его археологам какой-нибудь жулик или шутник. И форма у него осталась неповторимой, и рисунок лаконичный, но аханье, как ни странно, стихает...

Профессор. Вы не правы. Вы говорите о профанах и снобах...

Писатель. Ничего подобного. Я говорю о горшках. Я сам двадцать лет леплю такие горшки. И поскольку я – писатель модный, они восхищают книголюбов лаконичностью рисунка и неповторимостью формы. А через двадцать лет придет мальчик и заорет во все горло про голого короля!

Профессор. Господи. И вы об этом все время думаете?

Писатель. Первый раз в жизни. Я вообще редко думаю. Мне это вредно.

Профессор. Наверное, невозможно писать и при этом все время думать, как ваш роман будет читаться через сто лет.

Писатель. Натюрлих! Но с другой стороны, если через сто лет его не станут читать, то на кой хрен его сегодня писать?

Сталкер. А деньги? А слава?

Писатель. Деньги! Слава! Слушайте, давайте поговорим о чем-нибудь приятном! Кстати, Профессор, ради чего вы впутались в эту историю? Чего вам понадобилось в Зоне?

Профессор (*несколько ошарашенно*). Н-ну... Что может физику понадобиться в Зоне? А вот что может в Зоне понадобиться Писателю – это интереснее. Деньги у вас, как я понимаю, есть. Слава – тоже.

Писатель. Женщины гроздьями. Вилла.

Профессор. Вот именно. Чего же вам еще не хватает?

Писатель. Вдохновенья, Профессор! Куда-то запропастилось мое вдохновенье. Хочу попробовать вернуть.

Профессор. А может, оно бы само вернулось?

Писатель. Не думаю. Не похоже.

Профессор. То есть, вы исписались...

Писатель. Что?

Некоторое время он молчит, затем говорит брюзгливо.

Писатель. Ведь предлагали же вам поговорить о чем-нибудь приятном...

Сталкер смотрит на часы.

Сталкер. Простите. Пора.

4. Застава

Они выходят из кафе. За углом застыл у обочины большой черный автомобиль. Профессор открывает дверцы. На водительское место забирается Сталкер, а Профессор с Писателем усаживаются на заднее сиденье. Сталкер оборачивается, протягивает руку.

Сталкер. Ключ, пожалуйста.

Профессор молча кладет ему на ладонь ключ от зажигания. Сталкер заводит мотор, и машина стремглав уносится по темным предутренним улицам.

Они мчатся молча. Писатель дремлет, откинувшись головой в угол, холодно блестят очки Профессора, согнулся над рулем Сталкер, пожевывая потухшую сигарету. Мелькают за окнами машины редкие огни в окнах, мокрые кусты, мокрые решетчатые изгороди...

Машина притормаживает. Поперек широкой пустынной улицы – транспаранты со светящимися надписями на трех языках: «Стоп! Проезда нет! Только по специальным пропускам». И ниже: «До въезда в Зону – 300 м».

Сталкер сворачивает машину в узкий, заросший травой проулок, затормаживает. Открывает дверцу, выходит и, прокраившись до поворота, выглядывает.

Перед ним – застава войск ООН, охраняющих въезд в Зону. Бетонные стены, узкие, как амбразуры, окна. Прожектора на крышах. Прожектора и пулеметы на башнях. Броневики с мокрыми от дождя клепаными бортами. Часовые в мокрых от дождя металлических касках. Шоссе упирается в наглухо закрытые ворота. Далее в темноте блестят под дождем мокрые рельсы. Железнодорожная ветка упирается в наглухо закрытые ворота.

Сталкер некоторое время внимательно разглядывает заставу и ее окрестности, затем возвращается к машине. Осторожно выводит ее из переулочка, пересекает шоссе и спускается в пространство между шоссе и железной дорогой, а там, дав задний ход, прячет ее в заросли мокрого кустарника. Выключает мотор и откидывается на спинку сиденья.

5. В машине у железной дороги

В кустарнике у железнодорожного полотна прячется машина. За рулем, сгорбившись, сидит Сталкер. На заднем сиденье расположились Профессор и Писатель. Писатель спит, уткнувшись головой в угол. Тишина.

Сталкер оборачивается к Профессору.

Сталкер. *(вполголоса).* Канистру вы не забыли?

Профессор. Полная. В багажнике.

Сталкер. А фонарик?

Профессор. Не забыл.

Писатель просыпается, мутно оглядывается по сторонам.

Писатель *(зычным голосом).* А? Приехали?

Сталкер. Тише, пожалуйста.

Писатель *(шепотом).* Понял... Понял... Молчу...

Пауза.

Писатель *(вполголоса).* А чего мы, собственно, ждем?

Никто не отвечает ему. Писатель нервно пожевывает, крутится, потом вдруг поворачивается к Профессору.

Писатель *(тихо).* Никакого мне вдохновенья не надо. Я сам не знаю, что мне надо. Откуда я знаю, как назвать то, чего я хочу? И откуда мне знать, что я действительно не хочу того, чего не хочу? Это какие-то неуловимые вещи. Стоит их назвать, и смысл их исчезает, тает, расплывается. Как медуза на солнце. *(Пауза.)* Положим, я – убежденный вегетарианец. Сознание мое хочет победы вегетарианства во всем мире. Подсознание мое изнывает по куску сочного мяса. Вопрос: а чего хочу я? Я, сложный сплав сознания и подсознания...

Профессор. А вы хотите мирового господства. Конфликты сознания с подсознанием даром не проходят.

Сталкер. Чш-ш-ш...

Слышится гул и постукивание приближающегося электровоза.

Сталкер. *(хрипло).* Держитесь крепче! Упирайтесь. Сейчас!

Электровоз проходит.

Сталкер. *(кричит).* Пошли!

Он с места рывком бросает машину вперед. Машина выскакивает на железнодорожное полотно и мчится следом за электровозом в распахнувшиеся ворота.

6. Прорыв

Сразу за воротами Сталкер круто бросает машину с железнодорожного полотна влево, в темноту. Выпучив от ужаса глаза, разинув рот, прыгает на заднем сиденье Писатель, цепляясь то за спинку переднего сиденья, то за колени Профессора, а тот растопырился, уперся руками во все, что возможно, и только ежесекундно поправляет ползающие по лицу очки. Окостенел на водительском месте Сталкер, бешено работает руками, сцепившимися в руль.

А уже суматошно забегали во тьме прожектора, и вот ударила первая пулеметная очередь. Машина стремительно врывается в мертвые, давным-давно оставленные жителями кварталы. Мелькают в бегущем свете прожекторов запыленные стекла окон, стены с обсыпавшейся штукатуркой, повалившиеся заборчики. Теперь уже несколько пулеметов сразу вслепую дупят вслед нарушителям. Пули крошат ветхие стены, вдребезги разносят уцелевшие стекла и ставни, поднимают фонтаны воды в стоячих лужах...

Сталкер круто сворачивает в непроглядную тьму, резко тормозит.

Сталкер. Вылезай, живо! Канистру!

Распахиваются дверцы. Сталкер, Профессор и Писатель вываливаются в грязь.

Сталкер. Канистру, черт очкастый!

Профессор торопливо бежит на четвереньках к багажнику, распахивает его, выволакивает тяжелую канистру.

Г о л о с Сталкер. а (из темноты). Сюда, живее!

Профессор. Где вы там?

Снова грохочут пулеметы. В темноте под черным небом, в котором пляшут прожекторные лучи, на мгновение загорается фонарик.

Сталкер. Сюда! Давайте сюда! За мной ползком. Голов не поднимать. Канистру держите слева. Если кого-нибудь зацепит, не кричите, не метайтесь! Увидят – убьют. Потом, когда стихнет, ползите назад, к воротам. Утром подберут...

Сталкер ловко ползет на четвереньках, виляя тощим задом. Профессор, волоча канистру, ползет за ним. Пыхтя, ползет Писатель.

Они оказываются в полуразвалившемся сарае. Под его крышей проходят железнодорожные рельсы, а на рельсах красуется крошечная дрезинка с бензиновым моторчиком.

Сталкер, то и дело оглядываясь на треск пулеметных очередей, оскалившись, отвинчивает пробку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.